

КРАЙНЕЕ СРЕДСТВО

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— Доктор, зима на носу! Нельзя ли ее как-нибудь удалить!

КРОКОДИЛ

№ 29

(1607)

20 ОКТЯБРЯ

1960

МОЯ

КОПИЛКА

«Один — с сошкой, семеро — с ложкой» — гласит народная пословица, недвусмысленно намекая на дурное поведение обладателей ложек. Подлинны сошки давно исчезли. Но вот ложки сохранились, и обладатели таковых пользуются ими так же ретиво, как и их далекие предки во времена рождения язвительной пословицы.

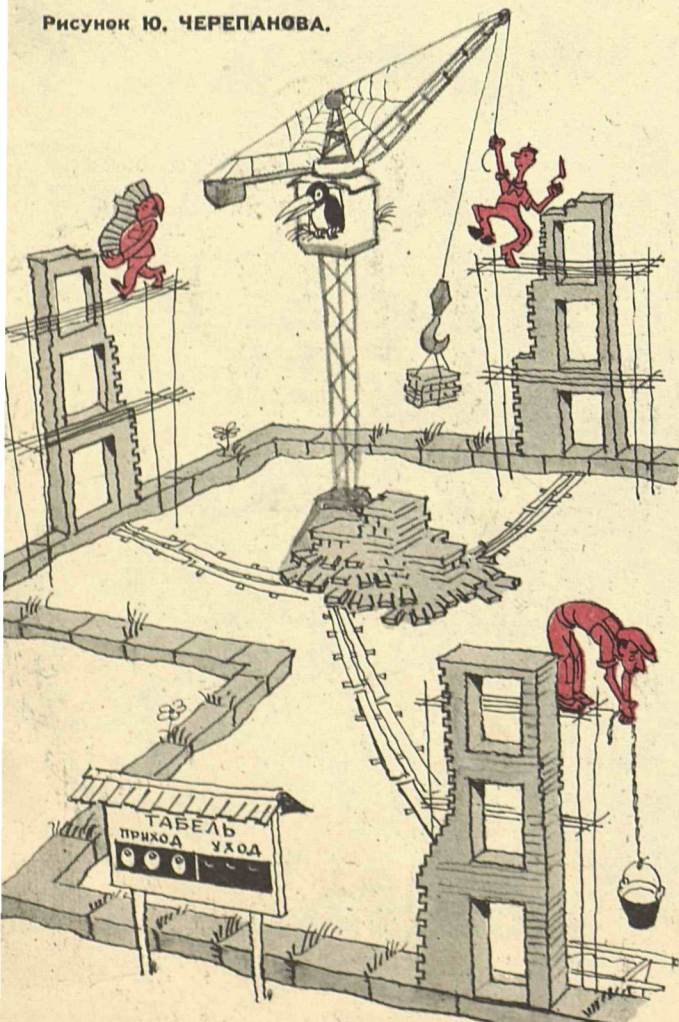
КУД-КУД-КУДА?

— Куд-куд-куда?.. Куд-куд-куда идут государственные денежки?! — вопрошают возмущенные куры, выращиваемые на инкубационных станциях Красноярского края. Куры не дуры. И возмущаются не зря. На тридцати четырех подобных станциях в крае установилась вольготная жизнь. Не для кур, а для тех, кто их выращивает. Три весенних месяца в году идет процесс закладки яиц и появления на свет юных представителей куриного племени. Еще три месяца их откармливают для будущей куриной лапши и котлет по-киевски. Остальное время десять штатных деятелей куриного производства пребывают в приятном ничегонеделании. Едят. Пьют. Спят. Игра-

Реконструкция склада Сарапульского лесокombината ведется уже два года. При плане в два миллиона рублей на этом объекте занято всего три человека.

СТРОЙКА.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

С Е М Е Р О С Л О Ж К О Й

ют в пашки. Набираются сил для будущего сезона.

Каждый скажет, что это курам на смех. Но ведь возглавляют куриное воспроизводство не куры, а люди во главе с начальником Управления птицеводства и инкубаторных станций Иваном Осиповичем Клеймяком. А по его глубокому убеждению, ничего нелепого здесь нет. Судите сами.

Директор нужен? Нужен!
Конюх, который кормит лошадь, которая возит директора, нужен? Нужен!

Кладовщик, который выдает фураж конюху, который кормит лошадь, которая возит директора, нужен? Нужен!

Бухгалтер, который платит зарплату кладовщику, который выдает фураж конюху, который кормит лошадь, которая возит директора, нужен? Нужен!

В общем, все нужны: и механик, и зоотехник, и заведующий цехом инкубации, и старший оператор, и шофер, и сторож. Шесть месяцев в году они пребывают в спячке, пробуждаясь только в дни выдачи зарплаты. И правы куры, возмущенно вопрошающие: «Куд-куд-куда идут государственные денежки?!».

БЕЗМОЛВСТВУЮЩАЯ ДРЕВЕСИНА

Курам хорошо. Они могут хоть как-то возмущаться на своем курином наречии. А древесина — предмет неодушевленный. И возмущаться не может. А если бы могла, то закричала бы своим кленово-березовым голосом: «Братцы, опомнитесь! Совесть — то у вас есть?». И вопль этот прозвучал бы на всю Северную Осетию. Именно там, в Алагирском районе, существовал до 1 января нынешнего года в системе леспромхоза небольшой лесозавод. И штат у него был вполне скромный. Начальник — один. В помощь ему технорук и плановик. И шесть мастеров, соответственно специфике изделий.

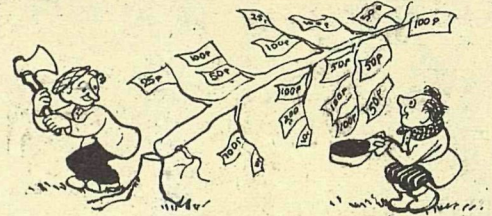
С 1 января заводик переименовали в комбинат. Комбинат — это звучит гордо. И сразу же появились: Директор. Начальник производства. Начальник планового отдела. Начальник фанерного цеха. Начальник цеха ширпотреба. Начальник отдела сбыта. Начальник АХО. Главный инженер. Главный механик. И еще уйма народа рангом пониже. Так что на каждую неодушевленную чурку приходится вполне одушевленный, хотя и не очень воодушевленный стремлением к работе, шеф.

Само собой разумеется, переименование заводика в комбинат принесло повышение окладов и директору и всем начальникам.

Вот какие комбинации происходят от корня «комбинат». И если бы обрели чурки, рейки, тесины и горбыли способность выражать свое возмущение, то крикнули бы во всю мощь сосново-елового горла: «Братцы! Да вы ведь бездельники! Самые настоящие! И нет у вас ни стыда, ни совести!».

ЛЕСПРОМХОЗ И ЛЕСПРОМХОЗИК

За горами, за долами, за высокими лесами в Каргасокском районе, Томской области, есть большущий-пребольшущий леспромхоз. Подчинен он Томскому совнархозу. А рядом с ним копошится маленький леспромхозик, хозяин которого — управление местной промышленности. Лес один, и делянки рядом. Большой леспромхоз заготавливает в год 273 тысячи кубометров древесины, а маленький — 27 тысяч. Большому аппарат обходится ежегодно в 759 тысяч рублей, а маленькому — в 160 тысяч. А весной большой забирает у маленького заготовленный лес и пружит его на баржи вместе со своим.

Если ликвидировать маленький леспромхозик и передать его план большому, последний великолепно справился бы с этим делом, а в государственном кармане остались бы 160 тысяч рублей. А таких леспромхозиков по области больше десяти. И орудуя они, как правило, рядом с большими. И именуют себя гордо «спутниками». Не те спутники!

* * *

Существует на свете оригинальный напиток под названием «чайный гриб». Собственно, сам он не является напитком, но стоит налить в банку сладкого чаю и пустить этот гриб плавать на поверхности, как через три дня, если верить любителям этого лакомства, в вашем распоряжении чудесный напиток — чуть похуже шампанского и чуть лучше лимонада.

Но не о вкусовых качествах чайного гриба идет речь. Он обладает свойством увеличиваться в объеме до бесконечности. Стоит только отрезать маленький кусочек грибной мякоти и поместить в банку с чайным раствором, как через неделю опять вырастет большой гриб.

Способность некоторых учреждений и предприятий увеличивать объем административных штатов не уступает чайному грибу. Отними у них половину бездельников, а через месяц они вновь на своих местах.

Чайный гриб относится все же к полезным культурам. Штатный прибор приносит только вред.

В ТРИ СМЕНЫ

Один — седой,
Второй — с бородкой русой,
А третий — молодой,
Безусый.
Работают они не покладая рук,
В три смены —
Дед, отец и внук.

НИ ПЫЛИНКИ...

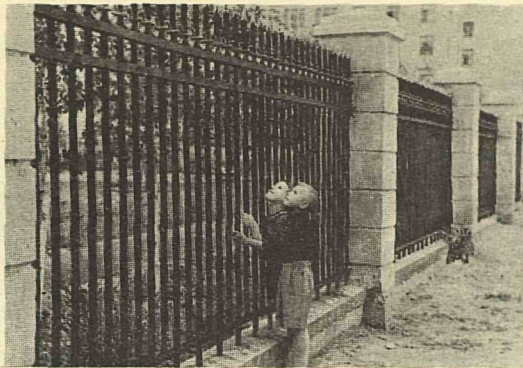
Ни пылинки нигде! В результате —
Брак изжит да и выпуск растет.
Бригадир в белоснежном халате
Шутит:
— Я против старых понятий,
Белоручкам в бригаде — почет!

Владимир ИВАНОВ

г. Ленинград.

Череповецкие красоты

Как вы думаете, что скрывается за этой монументальной оградой, которой с таким захватывающим интересом любуются ребята? Древний замок? Заповедник хищных зверей?

Не гадайте: все равно не угадаете. Это всего-навсего забор вокруг небольшого сквера, разбитого в городе Череповце, плод эстетических исканий городского архитектора тов. Кукина.

Как видите, сооружение выглядит весьма добротно и вполне могло бы служить в средние века для защиты от набегов степных кочевников или шаек разбойников. Недаром на него ухлопано ни много, ни мало—300 тонн металла!

Вот теперь жители города и думают: какой еще сюрприз преподнесет им архитектор? Соорудит ли ворота из нержавеющей стали в пионерском лагере или обнесет ясли платиновой проволокой?

М. ШУБИН

г. Череповец, Вологодской области.

Распишитесь в получении!

Частенько по утрам на привокзальных путях Ужгорода соловьями заливаются милиционерские свистки.

— Граждане, вы нарушаете! Ходите по путям! — Нарушаем,— уныло соглашаются задержанные.— Такая уж наша планида. Извольте, мы готовы заплатить штраф.

Нарушители расношелеваются и спешат к месту своей работы — на ужгородский хлебприемный элеватор и РТС.

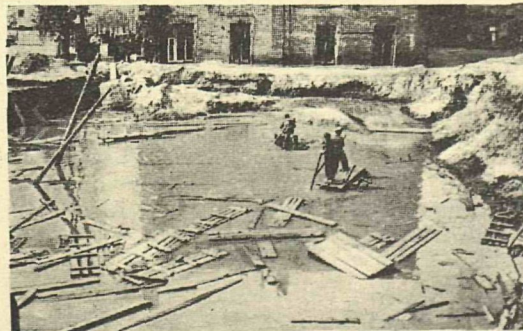
А тем временем на станционной улице, ведущей к этим предприятиям, взывают гудками о помощи водители. Это сквозь непролазную грязь пробиваются к элеватору грузовики с хлебом нового урожая.

Невероятно, но факт: уже два года под такой аккомпанемент свистков и гудков идет переписка с Ужгородским горисполкомом о ремонте одной из главных улиц города. «А воз — вернее, автовозы — и ныне там,— удостоверяют в своем коллективном письме Крокодилу работники элеватора и РТС.— Барахтаются в грязи вместе с грузом».

В заключение авторы письма просят передать свою сердечную благодарность председателю Ужгородского горисполкома тов. Решетарю и начальнику конторы благоустройства тов. Бородину.

Передаем и даже присоединяемся.

Плещут холодные волны...

Даже при беглом взгляде на этот снимок читатель заметит грубейшие нарушения правил предосторожности. Ни спасательных кругов, ни шлюпок, ни наблюдательной вышки! Отважные Робинзоны, отдавшись воле стихии, бесстрашно бороздят водные просторы.

В клуб на капустник.

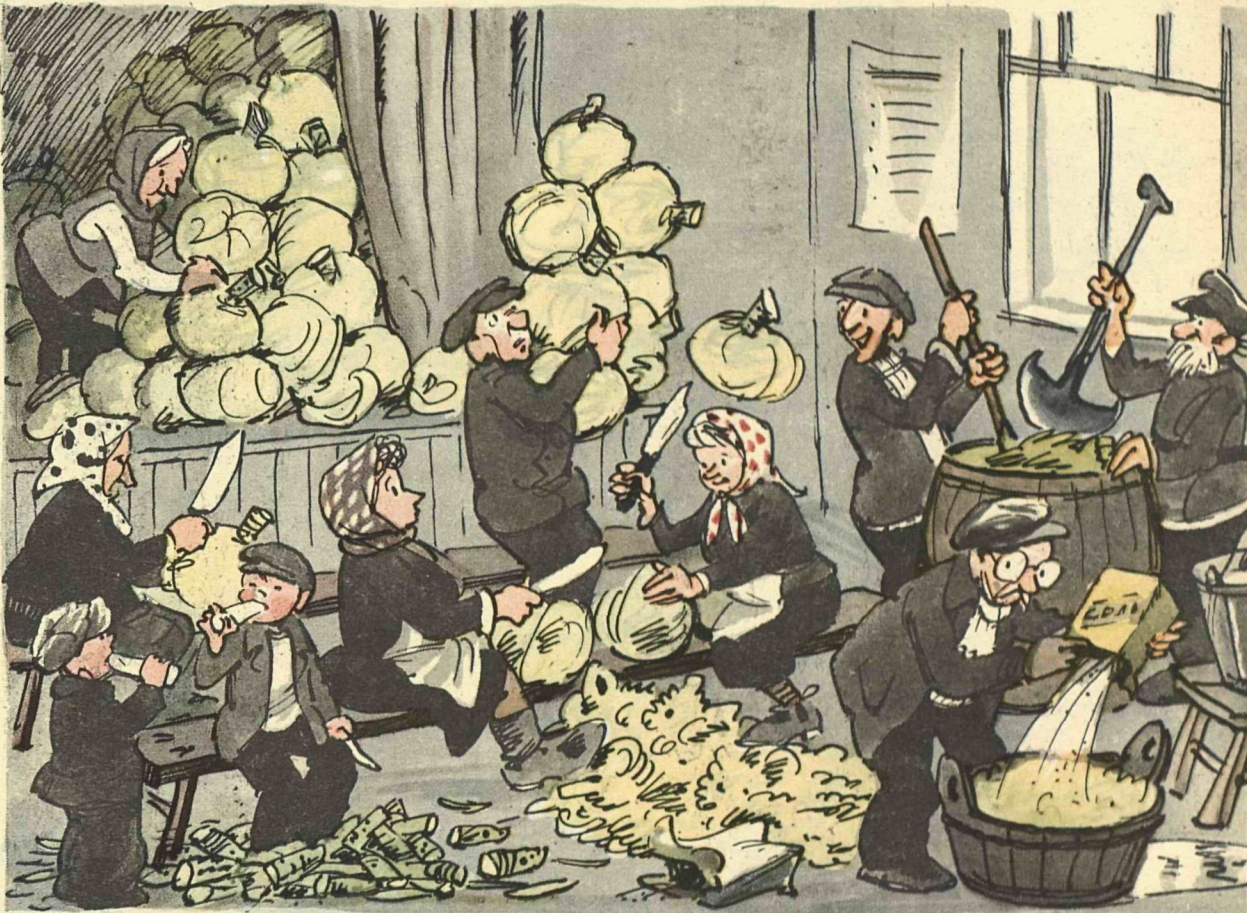

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

Но не будем слишком придирчивы к лицам, несущим ответственность за это спортивное сооружение,— начальнику управления строительства Пермского совнархоза тов. Константину и управляющему строительством тов. Почтареву. Приступая к строительным работам по улице газеты «Звезда», 12, они вовсе не собирались строить шикарный бассейн. Они намеревались всего-навсего возвести обыкновенный пятиэтажный жилой дом. Бассейн получился сам собой. Вырыли котлован, а с началом строительства дома замескались.

г. Пермь.

В. ГОРБУНОВ

Дурдыев — директор Дома инвалидов в поселке Калининск, который, как назло, отстоит в 37 километрах от его собственной ашхабадской квартиры. Не вставать же ему рано утром и трястись в переполненном народом пригородном автобусе! Куда проще использовать автобус, предназначенный для инвалидов.

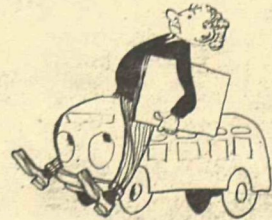
Не беда, что ежедневно на эти поездки расходуются около 20 литров бензина, а больные лишены возможности пользоваться своим автобусом! Ведь и Дурдыеву трудно приходится. Шутка ли: не жизнь, а сплошные разгезды!

г. Ашхабад.

А. АТАЕВ

Туда и обратно

Павел Иванович Чичиков, как известно, любил ездить на тройке лошадей с колокольчиками. Ходжа Насреддин довольствовался скромным ослом. А вот Бозагану Дурдыеву подавай целый автобус.

МАКСИМА ПАВЛОВИЧА ТРЫХИНА,

директора совхоза «Культура» Елховского района, Куйбышевской области,
на собрании... которого не было

— Товарищи!

Руководство совхоза, то есть я и секретарь партийной организации Булгаков Петр Иванович, собрало вас сегодня по особому, так сказать, вопросу. Дело в том, что к нам недавно приезжал корреспондент Крокодила. Вы все его видели. Ходил он тут, глядел, расспрашивал, записывал, в общем, интересовался. Нас это, конечно, удивило. В такую даль человек забирается неизвестно почему и зачем. Будто у них там под носом нету материалов о всяких, так сказать, недочетах.

Ладно, думаем мы с Петром Ивановичем. Пускай ходит, интересуется. Руководство тоже не спит. Руководство тоже предусматривает, что из чего может в дальнейшем получиться. Ясно: придет он к себе в редакцию и будет сочинять про нас фельетон или какой-нибудь стишок в рифму.

В общем, хорошего не жди.

И тогда мы с Петром Ивановичем так решили: чем нам дожидаться этого фельетона, а потом разьяснить всем, что в нем полное несоответствие фактам, лучше мы с вами потолкуем раньше и вместе, так сказать, дружным коллективом пошлем наше мнение в самую редакцию. И внесем ясность.

Возьмем такой пример. По дороге к нам, проезжая через вторую ферму, этот корреспондент спросил у шофера: «Что это за домики, обмазанные глиной, крытые соломой, которые вот-вот развалятся?» Еще ничего не видел, понимаешь, а уже задает такие вопросы. Эти домики, слава богу, стоят уже лет по шестьдесят и, если ветра не будет, простоят вполне еще года полтора. Может, и больше.

А что бы он спросил, если бы увидел: на первой ферме в свинарнике обрушился потолок, на шестой — заваливается конюшня, на пятой — овцы под открытым небом? На механическую мастерскую имеем два акта о полной аварийности — про это он не спрашивал, а только в блокнот записывал. А, между прочим, мы бы ему дали сокрушительный ответ: руководство, мол, не зевает, а принимает меры...

Что значит «какие меры»? Соответствующие. Строим. Чиним. Предупреждаем аварии. Новая мастерская за каких-нибудь четыре года уже подведена под крышу. Остались пустяки: полы, печи, окна, двери, потолок, стропила, кровля, — и мастерская готова. Для новых пяти коровников нам установили красивые бетонные арки. Во всех помещениях, где кровля может обрушиться, поставлены подпорки. И еще будем ставить.

Понимать надо: совхоз старый, существует двадцать шесть лет. И все разваливается. Вполне естественно.

А этот самый корреспондент наслушался на собрании всяких безответственных выступлений насчет механизации и тоже:

Почему коров доят вручную? И почему воду развозят в бочках, а зимой даже на тракторе за шесть километров? А в телятнике за пятьдесят метров навоз на лопатах носят. Можно, говорит, рельсы проложить и на тележке возить. Смешно слушать!

Будто тележки у нас в продмаге продаются. И еще претензия: почему телефонной связи нет между фермами? А того он не соображает, что у нас руководство не по телефону, а, так сказать, живое, непосредственное. Выйдешь с утра и руководишь, так сказать, и руководишь.

Теперь о воде. Что возим ее издалека. Понимать надо: совхоз еще сравнительно молодой, только двадцать шесть лет существует, всего сразу не сделаешь.

Ихний корреспондент расспрашивал насчет, так сказать, экономических показателей. Пожалуйста. Нам прятаться незачем. Совхоз богатый: скот, овцы, свиньи, птица. Еще развиваем полеводство на восьми тысячах гектаров. Хозяйство, мы с вами знаем, большое. И результат тоже немалый: убытки за прошлый год — 598 тысяч, за полгода нынешнего — 733 тысячи. Так что на месте не топчемся. Есть сдвиги.

Пойдем дальше. Ему наговорили, не знаю кто, но выясню, будто мы стрижем молодых овец раньше допущенного срока, чтобы выполнить план сдачи шерсти, а они из-за этого простуживаются и околевают. Чепуха! У нас и без этого околевают. Зачем нам так поступать, раз мы все равно план и свои обязательства не выполняем ни по шерсти, ни по другим видам?

Это не пустые слова, а можем подтвердить фактами. На 20 сентября, например, по яйцу имеем 40 процентов, а по мясу — 23,5 процента против плана. И совершенно несправедливо нас подозревать, будто мы на эту сторону вопроса нажимаем. С такой клеветой мы будем решительно бороться. Но это не значит, что мы спим сложа руки. Нет, мы не спим. Мы внушаем, и требуем, и мобилизуем все силы.

Еще насчет политической и культурной работы. Это, так сказать, больше Петра Ивановича касается, поскольку он секретарь, но у нас линия общая. Этот корреспондент вдруг заявляет, будто никакой культурной работы не ведется и наблюдается злоупотребление, так сказать, алкоголизмом. А в доказательство взял из бухгалтерии нашего райкоопа всякие балансы и сделал оттуда выписки.

Культурный человек с виду, а не понимает, что тут дело не в личной выпивке, а надо принять во внимание различные семейные праздники, как, например, Новый год, Восьмое марта, крестины и так далее. У нас ведь крестить ходят за девять километров: туда-обратно, в два конца восемнадцать. И тут позволяют себе излишек в алкоголе, с чем нужно бороться и бороться не покладая рук...

Что, что? Как это понимать: «с начальства пример берем»? С такими вредными разговорами, товарищи, надо покончить раз и навсегда. Мне понятно, об чем речь. Будто руководство: директор, секретарь партийной организации, бухгалтер и кассир — составило компанию и выпивает. Чепуха! Никакой компании нет. Выпиваем индивидуально. И незначительно. Я, например, пью редко и мало.

Тише там, в задних рядах! Что за смех? Какой может быть смех, когда обсуждаем жизненные вопросы! Посерьезней, товарищи, надо, посерьезней! Продолжаю.

Да... Значит, редко и мало. А Петр Иванович после того, как провалился под лед, совсем пить бросил. Это корреспонденту из Крокодила даже лично сообщил секретарь райкома товарищ Сергеев. Бухгалтер Жуков закладывает, нечего скрывать. Но работник золотой. Он и в нетрезвом виде по своему бухгалтерскому делу так все выведет в ажуре, что другому трезвому так не суметь. А что касается кассира, то товарищ Явкин действительно меры не знает: когда, где и сколько? Но я имел с ним беседу и сказал ему твердо: «Так дело не пойдет». Он дал обещание бросить пить и даже записаться в кружок текущей политики. И действительно, факты говорят, человек исправляется: в кружок уже записался.

А что пьянство связывают с пожаром, который произошел летом, то опять-таки ничего общего. Когда мы вернулись с четвертой фермы, действительно немного навеселе, то утятник уже сгорел начисто. Убыток расследуется, но пока только знаем, что сгорел от огня. А за стихийные бедствия отвечать не можем.

Перехожу к вопросу о личном хозяйстве — моем и Петра Ивановича. Не знаю, кто говорил об этом корреспонденту, но выясню. Тут, конечно, некоторая промашка была: у меня скопились сотня уток и поросята. Петр Иванович тоже хозяин неплохой. И действительно, имел место факт, так сказать, продажи молодняка рабочим нашего совхоза...

Тише, товарищи! Без неорганизованных выкриков! Почем брали? Сами знаете, почему. Петр Иванович за недельного поросеночка — по триста, я же, заметьте, за полцены отдавал — по полтора. Промашка, как я уже сказал, была. Но дело прошлое, чего вспоминать!

Дорогие товарищи! Все, что я вам сейчас рассказал, мы с Петром Ивановичем думаем изложить письменно и послать в редакцию. Если там серьезно отнесутся, то, конечно, никаких этих фельетонов писать не будут, а напечатают небольшую заметку под названием, например, «Отдельные недочеты», где именно отметят, какая нам нужна помощь для новых успехов.

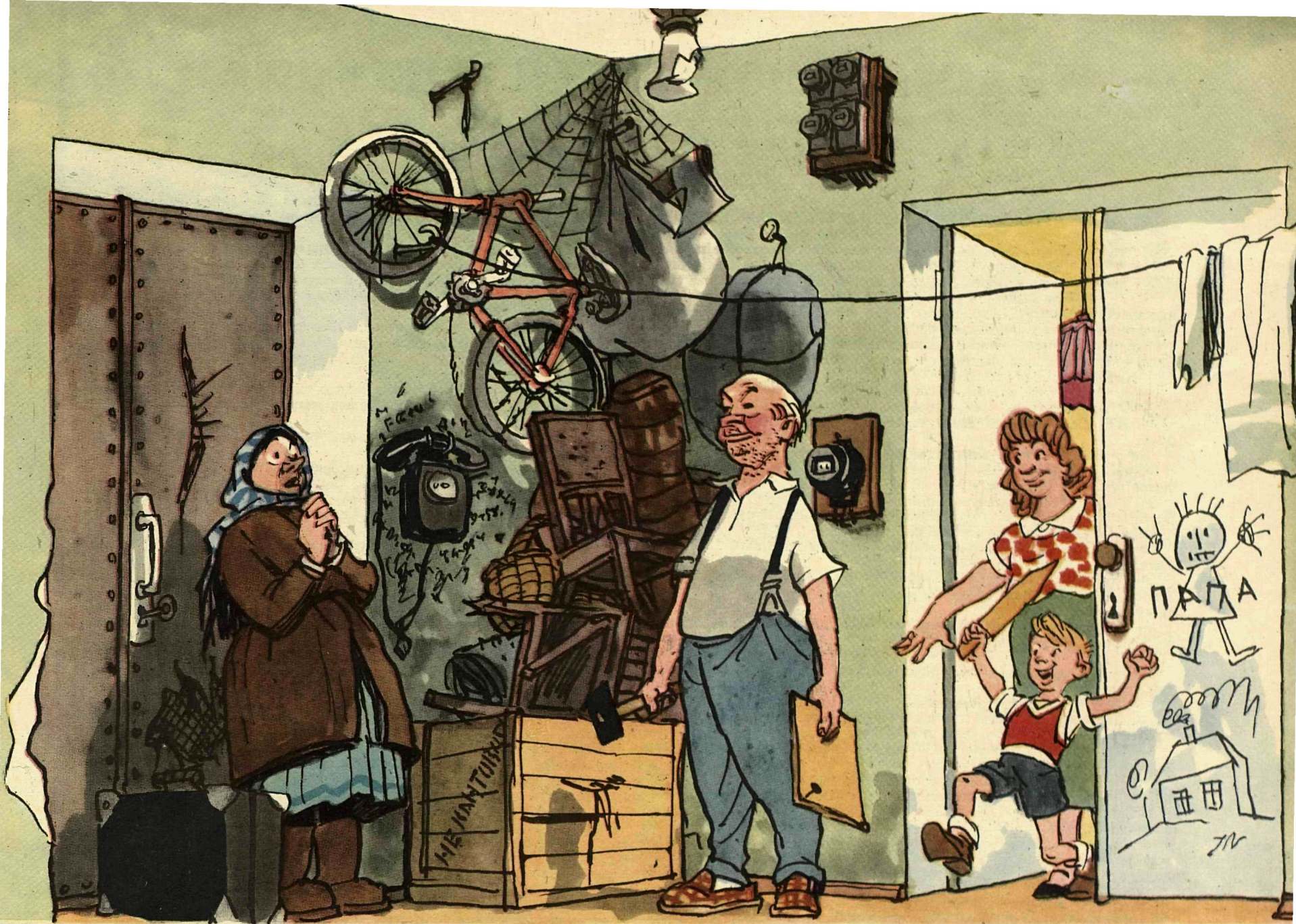
А если редакция все-таки напечатает какой-нибудь фельетон или злой стишок, как это они любят делать, то мы, как и прежде, не обращая никакого внимания на критику, пойдем своей скромной дорогой к дальнейшим, так сказать, достижениям.

* * *

Не было такого собрания. И речи не было. Но, поскольку в ней может оказаться необходимость, идя навстречу обремененному бесчисленными заботами руководству совхоза, ее составил

Бор. ЮДИН,
специальный корреспондент Крокодила

ГОД СПУСТЯ

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— Батюшки! Что у вас творится! А писали, что получили квартиру в новом доме!

«ДЕЛО О РАЗБИТОЙ ВИТРИНЕ И ИСПУГАННОЙ НИМФЕ»

И СПУГАННАЯ рубашкой безобразной расцветки, кобыла Нимфа разбила витрину. От юноши ушла любимая девушка, оскорбленная видом его «усевшего» плаща. В семье разгорелся скандал, вызванный колючим одеялом...

И всему явилась виной продукция Глуховского хлопчатобумажного комбината («Дело о разбитой витрине и испуганной Нимфе». Крокодил № 24).

После выступления Крокодила глуховцам пришлось держать публичный ответ. Фельетон обсуждался на общем собрании рабочих комбината. И был признан правильным.

— Хорошо, что в фельетоне только о трех видах продукции упомянули, — со вздохом за-

метил главный инженер комбината Сидоров. — Ведь погрешностей у нас куда больше!..

— Ослабили контроль за качеством, — призналась начальник ОТК Чернова, — вот и шархулась в фельетоне лошадь от нашей ткани.

— Кончилось времечко, когда покупатель хватал что попало, — напомнил присутствующим представитель Московской выходной торговой базы Мареев.

— Слаба технологическая дисциплина — вот в чем гвоздь, и этот гвоздь надо дружно вытаскивать всем, — в один голос заявили директор бумагопрядильной фабрики Крылов, директор отделочной фабрики Леднев, заместитель главного инженера Ильин, секретарь

парткома Мулин и директор комбината Соболев.

Крокодил с удовольствием прислушивался к этим самокритичным выступлениям, но представитель Комитета по химии Бельский обвинил текстильщиков и в том, за что они не могут отвечать. А именно — в плохом качестве красителей. А о том, что из-за плохих красителей ткань дает отпечатки на теле, как переводные картинки, оратор стыдливо умолчал.

Вместе с тем Крокодилу было приятно узнать, что Московский областной совнархоз после фельетона предложил комбинату улучшить качество сырья, применяемого при выработке одеял.

Язычник

НУ ЧТО я им такого сделал? Абсолютно ничего. Не бил, не ругал. Чего же они на меня волком смотрят? Не понимаю. Хоть режьте, хоть так ешьте — не понимаю.

Вот хотя бы позавчера. Зашел я в «Золотую осень», в кафе, значит. Зашел, двери за собой закрыл, разделся. Даже галоши в гардеробной скинул. Сел за столик, подзываю официантку. Не то чтобы грубо, как некоторые, а так, знаете, вежливенько вилкой по тарелке постукал.

Подбегает такая молоденькая девушка. Зубенками поблескивает, улыбается, знаете, так приветливенько.

— Что прикажете подать?

— А что, — спрашиваю, — у вас есть?

— У нас все есть. Чай, кофе, кефир, молоко, масло.

— Ну, тогда давайте два стакана кофе и сухариков каких-нибудь.

Не успел я глазом моргнуть, смотрю: несет.

«Диво! — думаю себе. — Вот это кафе! Неужели здесь во всем такие славные порядки?»

Начинаю приглядываться внимательнее. И что б вы думали? Один из сухариков-то со щербинкой. Не то чтобы там половины сухаря не было, а кусочка все же не хватает.

Вот так, значит. В первоклассном кафе — и нате вам! Щербатые сухари подают.

Не думайте, что я, как какой-то придира, попросил книгу жалоб. Я такой моды сроду не имею. Но пройти мимо безобразия тоже не могу.

— А скажите-ка, очаровательная, что это такое? — спрашиваю я у официантки.

— Где?

— Такая молодая, а уже плохо видите? Вот где, — вежливенько показываю я.

— Да это крошка отломилась...

— Отломилась? Хе-хе! А вы уверены, что это не мышка зубками грызть-грызть? А может, и еще кто?

— На кого вы намекаете? — почему-то покраснела официантка. — Я сейчас другой подам.

— Нет, не нужно, я и этот съем. Для чего вам бегать? Ножки даром трудить. Да вот, смотрите, и крошка на тарелочке лежит. А говорю я вам для пользы дела. В таком хорошем кафе, у такой очаровательной девушки — и вдруг такие непорядки! Сегодня вы сухарик щербатый клиентам подали, а завтра щепку какую-нибудь в кофе недосмотрите. А там, чего доброго, и водички в молочко доливать начнете. С малого все начинается, очаровательная, с малого...

Хотелось мне еще поучить девушку, так сказать, по-отцовски, но не пришлось: официантка почему-то расплакалась и убежала в служебное помещение. Даже рассчитаться со мной не пришла — заведующего прислала.

Конечно, я, вежливенько извинившись, пожелал видеть свою официантку. Почему же я должен платить деньги человеку, с которым не имел никаких дел?

— Она захворала и выйти к вам не хо... не может, — довольно жестко ответил мне заведующий. — С вас три сорок.

— Три сорок я заплачу, но своей официантке, — заупрямился было я. — Пусть выйдет. Не могла же она так внезапно заболеть! Только что бегала, смеялась...

И тут вдруг от соседнего столика поднялся вот таковский здоровяк с громадными кулачищами.

— Плати, — говорит, — деньги, скорпион, и выметайся!

Пришлось уйти. С такими бандитами разве поговоришь по-интеллигентному?!

А вчера, думаете, лучше было? Вы, наверное, знаете наши новые троллейбусы, те, что из пластмассы сделаны. Красавцы, да и только! Зайдешь, сядешь... И выходить из них неохота. Так целый день и ездил бы.

Так вот, сел я вчера в такой троллейбус. Еду себе, в окно смотрю. Рядом кондуктор суетится. Хорошенькая такая молодичка, с

ямочками на щечках. В беретике таком, знаете, форменном. В тужурочке.

— Гражданская!.. Инженерная!.. Коммунальная!.. Вам на следующей, дедушка! — весело покрикивает она.

Покрикивает звонко и даже радостно почему-то. И, знаете, из-за этой веселости такая на меня подозрительность напала, что трудно сказать.

«А мою остановку выкрикнешь?» — подумал я. И как знал! Вот уже троллейбус к остановке подплыл, а кондуктор молчит словно в рот воды набрала.

Довеселилась!

Вышел я из троллейбуса, а потом снова вошел через передний вход. Сел на свое место, дождался, когда троллейбус тронется, и вежливенько так спрашиваю:

— Кондуктор, скажите, пожалуйста, скоро ли будет остановка Селекционная?

— Ой, да вы ж уже проехали! Только что была.

— А почему вы ее не назвали?

— Я все называла... А эту... Бабуся помогала удобнее сесть... Да вы ж, кажется, выходили на Селекционной и снова почему-то вопили... Я и подумала...

— А вам, девушка, и не нужно думать, — говорю я ей. — Вам нужно свое дело делать. А теперь вот по вашей вине я свою остановку проехал. Теперь мне нужно назад возвращаться. А это ж снова сорок копеек платить. Конечно, так план можно выполнить быстро — с каждого по сорок копеек лишних брать. Сегодня сорок, завтра сорок, а там, гляди, и прямо в карман залезть недолго. С маленького все начинается...

Закончить мне опять не дали. Троллейбус остановился, и меня высадили.

Захожу в магазин за топленным маслом.

— Кто последний? — спрашиваю.

— Если за маслом, то вы и первый и последний, — отвечает кассирша. — Видите, в магазине почти никого нет.

Оглядываюсь: правда, нет. Плачу за сто граммов и подхожу к прилавку. Чернявая продавщица молниеносно наклоняется под прилавок, вытаскивает оттуда бумагу и начинает класть масло.

Вот эта молниеносность мне и не понравилась.

«Тут что-то не то, — подумал я. — Почему это у нее бумага под прилавком лежит?»

— Уважаемая, — вежливенько обращаюсь я к чернявой продавщице. — Скажите, пожалуйста, почему у вас бумага под прилавком спрятана?

— А что здесь такого? — удивляется продавщица.

— А то, что, может, у вас там селедка лежит.

— Да ведь у нас не торгуют селедкой!

— А может, вы для себя купили да ненароком и положили туда. Сегодня масло будет селедкой пахнуть, завтра — деттем.

— Да что вы такое говорите? Да вы понюхайте масло! У нас такого сроду не бывало!

— До сих пор, может, и не бывало, а не исключено. Для порядка говорю, для вашей же пользы.

Ну, посудите сами: будто ничего такого я ей и не сказал, даже не намекал ни на что, а она в слезы.

Взял я масло, хочу уйти, и вдруг слышу:

— Ох, и язычник вы, дядя!..

Я чуть на пол не сел. Гляжу: девочка маленькая. С красным галстуком.

Вот тебе и на! До шестка — аршин, а тоже вмешивается.

Хотел было ей пояснить, что язычником зовется тот, кто в идиолов верит, что делать замечания взрослым нельзя, что сегодня сделаешь замечание, завтра плохие песни запоешь, а там, чего доброго, и до грубой ругани один шаг. Да где там — и слушать не захотела.

А еще пионерка! Не узнать ли, в какой она школе учится?..

Перевела с украинского Н. ДЕТКОВА.

КАК МЕНЯ ПЕРЕВОСПИТЫВАЛИ

(РАССКАЗ РЕЦИДИВИСТА)

**О ТЕХ,
КТО
НЕ РАБОТАЕТ,
А ЕСТЬ**

БЫЛО это в сентябре прошлого года. Сижу, значит, за решеткой, тоска зеленая, и остается мне отсидеть еще целый год. И вдруг утречком вызывают меня к начальнику.

— Ну вот, Меньшиков-Данченко,— говорит начальник.— Поздравляю. Мы решили представить тебя на условно-досрочное освобождение. Чувствуешь оказанную тебе гуманность?

— Хо-хо,— говорю,— вот это да! Это законно! Разрешите подготовиться, гражданин начальник?

— Разрешаю,— говорит.— Только сперва оглянись: что у тебя за плечами, Меньшиков-Данченко?

Оглянулся я назад.

— Ну, дверь, что ж еще?

А он мне на это:

— Дверь само собой. А за плечами у тебя, Меньшиков-Данченко, уже три судимости: за кражи, за хулиганство и даже за разбой. Так что учти: ежели четвертую заработаешь, худо тебе будет.

На том мы и расстались. И я вскоре же махнул в знакомые края — в Усть-Кубинский район, Вологодской области.

Эх, тру-ля-ля, елки-скалки! До чего же хорошо на свободе! Хожу по райцентру и

распеваю на всю улицу самую что ни на есть детскую песенку:

Бог и в по-оле птичку кормит,
Поллитровочку дает!

Между делом задаваю прохожих, поскольку за время отсидки накопилось во мне очень много энергии. Или же выступаю как мастер трехэтажного художественного слова. Так что встречные домохозяйки и разные мелкие дети разлетаются передо мной, как мошкара.

В общем, несколько деньков веселился в таком разрезе. А потом как-то тихо и незаметно схлопотал себе четвертую судимость. Занялась мною женщина-судья по фамилии Хирная.

— Скажите,— говорит,— обвиняемый: вы признаёте, что позавчера, зайдя в райисполком, избили в служебном кабинете руководителя строительства межколхозной электростанции товарища Забродина?

Отвечаю осторожно: дескать, битые битые — рознь. Ну, было с моей стороны несколько этих самых... резких телодвижений.

— А из каких то есть побуждений, обвиняемый, вы применили подобные телодвижения?

— А это,— говорю,— с радости, гражданка судья. Как я только неделю назад досрочно вышел из места заключения. Радость-то какая!

Ничего, подходящая попалась судья. Думал, она мне верных два года припаяет да плюс еще неотсиденный год. А она мой тарарам в райисполкоме посчитала за мелкое хулиганство. И дала пятнадцать суток.

Ничего, в эти дни тоже было не скучно. Харч казенный, выпивка своя, от работы отлынивать при моей сноровке — плевое дело. Но только еще задолго до пятнадцатых суток получился у меня новый прокол: как-то мимоходом подвернулся под пятую судимость. По совокупности четырех скандалов с применением силы рук и языка против двух гражданок, милиционера и соседа по камере.

Тут-то происходит самое интересное. Выводят меня из камеры под усиленной охраной и куда-то везут. Мимо нарсуда, в неизвестном направлении. Спрашиваю:

— Товарищ начальник, это куда же вы меня препровождаете?

— Препровожаем тебя,— отвечает он,— прямо на деревообрабатывающий завод.

— Позвольте,— говорю,— это зачем же? Нешто я деревянная чурка, чтоб меня это самое... на деревообрабатывающий? Я не чурка, я человек.

— Помалкивай,— говорит.— Ты еще не человек. Вот обработают тебя на деревообрабатывающем, тогда видно будет, кто ты есть.

Ну, думаю, влип! Не иначе, сделают сейчас надо мной показательный процесс со всеми вытекающими последствиями. И вдруг привозят меня — куда бы вы думали? — на общезаводское собрание этих самых деревообрабочников. Сажает на видном месте. А судья уже тут как тут. Выходит она на трибуну и начинает произносить речь. Так, мол, и так, дорогие товарищи! Вот вам подходящий объект для перевоспитания по фамилии Меньшиков-Данченко, и давайте договоримся: суд даст ему за его деяния годик-другой-третий условно, а вы возьмете его на поруки, чтоб он у вас работал и успешно перевоспитывался.

Конечно, деревообрабочники засомневались, затылки себе скребут.

— Мы,— говорят,— этого Меньшикова-Данченко совсем не знаем. Как же так брать на поруки кота в мешке да еще со

столькими судимостями? Может, его только могила исправит?

Судья моя при таких словах прямо зеленеет. Видно, гуманность ее душит. А может, у нее в отчетности получается недобор со сдачей на поруки уголовной человекоединицы. И она начинает давить на собрание: дескать, стыд и срам уклоняться от такого благородного мероприятия! Дескать, вот он перед вами, достойный объект вашей чуткости, а вы не хотите протянуть ему мощную руку коллектива!

Тут и я начинаю помаленьку вякать:

— Возьмите меня, братцы! В два счета перевоспитаюсь!

В общем, дальше пошло, как по маслу. Собрание вынесло резолюцию — взять меня на поруки, потом суд вынес приговор — три года условно, и я поступил на завод.

Ну, конечно, начал работу с невыхода на работу. Словчился, взял на заводской конюшне лошадь — и «еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей!» У любушки пили два дня без передыха. Потом вышел на работу: спер на заводе и пропил 150 килограммов овса.

Деревообрабочники так и ахнули:

— Да ты что же это творишь?! Ты что, хочешь, чтобы мы свое поручительство обратно взяли?

А я им:

— Нет, братцы, шалите! Вы обязаны меня перевоспитывать!

И настала для меня вполне голубая жизнь. Зарплата мне идет, и я опять же не работаю, но ем и выпиваю. Одна только беда: приходится часто затевать скандалы с деревообрабочниками. Дескать, вы, черти полосатые, забыли, что я теперь за себя не отвечаю, а вы за меня отвечаете? Почему даете сто процентов брака в моем перевоспитании? Вот я вам покажу, вы у меня еще попляшете!

Но, видать, они своих ошибок не осознали. Даже наоборот: через некоторое время устроили опять общее собрание. И там единогласно постановили: от поручительства отказаться и меня с завода убрать. Тут вступила в бой судья Хирная, которая присутствовала на собрании.

— Это позор! — кричала она. — Вам доверили судьбу человека, а вы умываете руки, не хотите повозиться с ним!

А я с места:

— Не хотите со мной повозиться! Разве настоящие перевоспитатели так возятся? Чтоб вас разорвало, трах-тарарах!..

Судья прямо из себя выходит:

— Требую повторного голосования!

Я тоже поддаю:

— Повторного! У вас и в воспитательной работе и в голосовании стопроцентный брак!

Проголосовали повторно, опять то же самое.

— Все равно! — кричит судья. — Ваше решение я считаю незаконным!

— А мы его узаконим, как полагается,— спокойно отвечает председатель. — Надеемся, что ваш условный приговор этому фрукту и наше поручительство будут аннулированы президиумом областного суда.

Думаете, так оно и вышло? Ан не совсем так. От того поручительства президиум облсуда моих деревообрабочников освободил, а меня вот не посадил.

Но теперь, кажется, все-таки посадят. Дело дошло до Верховного суда РСФСР, и он 27 августа отменил приговор Хирной. Что ж? Во всяком случае, этот веселый годик на свободе будет чем помянуть. Большое уголовное спасибо нарсудье товарищу Хирной и уважаемым членам президиума вологодского облсуда!

Рассказ подготовили к печати
К. КОЛПАЦОВ и М. ЛЬВОВ.

В ИНТИМНОЙ ОБСТАНОВКЕ

СТЕНОГРАФИСТКА Зацепкина, мать великовозрастного Гарри Зацепкина, краснощечкого здоровьяка без определенных занятий, позвонила своей сестре Анне Ильиничне Припасовой и прорыдала в трубку:

— Анечка, родная, я тебя очень, очень прошу... Скажи своему Лева, чтобы он вызвал Гаррика и поговорил с ним.

— Боже мой, что случилось, Соня?

— Еще не случилось, но может случиться каждую минуту... Он (тут рыдания в трубке усилились, потом их сменили порывистые всхлипывания, и, наконец, они завершились громким сморканием), он меня совершенно игнорирует!.. В институт не попал: он ведь не медалист... и не работает... Какие-то подозрительные знакомства... Какие-то случайные деньги... Ночью часто приходит домой нетрезвый! А когда я его ругаю, он говорит мне: «Мэм, заткнись!»

Анна Ильинична неделикатно рассмеялась.

— Вот свинок! А ты бы его за ухо!

— Анечка, родная, да ты когда его последний раз видела?

— Гарьку? Обожди!.. Помнишь, мы с Левой были у тебя на дне его рождения?! Он еще тогда выпил рюмочку ликера и опьянел, начал показывать фокусы с тарелками, набил их целую кучу...

— Это было четыре года назад, Аня! Сейчас Гаррик — настоящий мужчина, выше твоего Левы. И такие фокусы показывает, что я по утрам вся тряусь от страха, когда раскрываю газеты. Вдруг прочту какой-нибудь ужасный фельетон? Тем более, что он такой красавчик — глаз нельзя отвести. Девчонки так и липнут!.. Попроси Леву, Аня! Пусть он его вызовет, поговорит построже, припутнет... Меня он совершенно игнорирует, совершенно!..

Трубка снова стала всхлипать и сморкаться.

Анна Ильинична сказала твердо:

— Не плачь, Соня! Сегодня же, как только Лева вернется с работы, я его заставлю сделать все, что нужно. Я понимаю, это наш родственный долг!

Лев Матвеевич Припасов, работник ведомственного журнала с названием скучным и длинным, как тяжелогрузный товарный поезд, выслушав взволнованный рассказ жены об угрозе, нависшей над беспутной головой ее племянника, помрачнел и сказал с присущим ему глубокомыслием:

— Ты права, Анна! Это наш родственный долг... Тем более, что если этот, как ты говоришь, свинок попадет в печать, на мне это тоже некоторым образом может отразиться. Мой моральный облик безупречен, и, конечно, будет очень неприятно, если пойдут разговоры.

— Я сейчас позвоню Соне и скажу, чтобы она прислала Гаррика к нам! — сказала Анна Ильинична, направляясь к телефону.

— Не звони! — остановил жену Припасов. — У нас не стоит устраивать эту встречу. Получится, что твоего свиненка вызывают, так сказать, высшие родственные инстанции. Привкус администрирования. Нетактично и неделикатно.

— Тогда сам поезжай к Соне.

Припасов поджал губы, подумал и сказал с тем же глубокомыслием:

— Тоже неудобно. Какая-то лжедемократия! Нужно встретиться с ним в нейтральном месте. Я сам позвоню Гаррику и приглашу его посидеть со мной в ресторане.

Анна Ильинична всплеснула руками:

— В ресторане?! Лева, ты с ума сошел! Мальчишка и так чуть не каждую ночь приходит домой пьяный!

— Он же со мной там будет! И, пожалуйста, Анна, не спорь, я знаю, что я говорю!

Припасов считал себя широко мыслящим, философски подкованным, передовым человеком и в спорах всегда брал верх, пото-

му что говорил гладко и длинно, не давая собеседнику рта раскрыть, да еще умел вовремя придавить своего оппонента авторитетной цитатой.

По Припасову, выходило, что к молодежи нужен только один подход — деликатно-воспитательный. Никаких грубых нажимов, никакого принуждения, боже упаси!

— Молодая душа — это хрупкая бабочка, — утверждал Припасов. — Если вы схватите ее за крылья грубыми руками, бабочка околеет.

Анна Ильинична пыталась ему возражать и сказала, что лучше уж она сама поговорит с непутевым племянником, и, конечно, не в ресторане.

Припасов обиделся, надулся и ответил:

— У нас в редакции, к твоему сведению, Анна, когда отклоняется статья молодого автора, говорить с ним всегда поручают мне... потому что я друг молодежи и умею с ней разговаривать. Молодая душа — это даже не бабочка, это нежная, красивая роза. Одно неосторожное, холодное слово — и ее лепестки увяли!

...Через два часа дядя и племянник, молодой человек со шкиперской бородкой на румяной, но уже довольно потасканной физиономии, сидели за отдельным столиком в большом ресторанном зале. На эстраде негромко играл оркестр. От металлических блюдов и соусников, разносимых официантами, струились дразнящие, вкусные запахи. Кого-то уже выводили из зала под руки. Словом, обстановка для интимной, душевной беседы была самая располагающая.

— Ну-с, дорогой племянник, что ты будешь пить? — молодежато произнес друг молодежи, разглядывая карточку вин.

— Кальвадос! — сказал Гарри Зацепкин.

Официант, склонившийся над столиком, понимающе кивнул:

— Графинчик московской особой. Для начала, понятно!

Быстро были поданы водка и закуска. Дядя и племянник хватили по рюмке отечественного «кальвадоса», и Припасов, проникновенно глядя на юного Зацепкина, приступил к душевноразговорной беседе:

— Скажи мне, Гарри, какая у тебя цель в жизни? Впрочем, этот вопрос можно и так поставить: каковы твои идеалы?

Гарри Зацепкин налил себе и Припасову еще по рюмочке, выпил свою первую, закусил маринованным белым грибом и сказал:

— У меня сейчас, откровенно говоря, идеалов нет, дядя Лева, потому что я не имею постоянного заработка. Живу, как та бедная козочка, которая «бежала через лесочек, схватила кленовый листочек». Пусть меня сначала обеспечат так, как это нужно джентльмену... а потом, пожалуйста, спрашивайте с меня...

Припасов поморщился. Фу, каким гадким цинизмом пахло на него от этого откровенного признания! Но ведь молодая душа — это хрупкая бабочка, нельзя хватать ее за крылья грубыми руками.

И друг молодежи мягко заметил:

— Ты, дружок, ставишь вопрос с ног на голову, то есть совершаешь ошибку. Ты говоришь, что не имеешь постоянного заработка. Иди работать — и будешь его иметь! Перед тобой все дороги открыты.

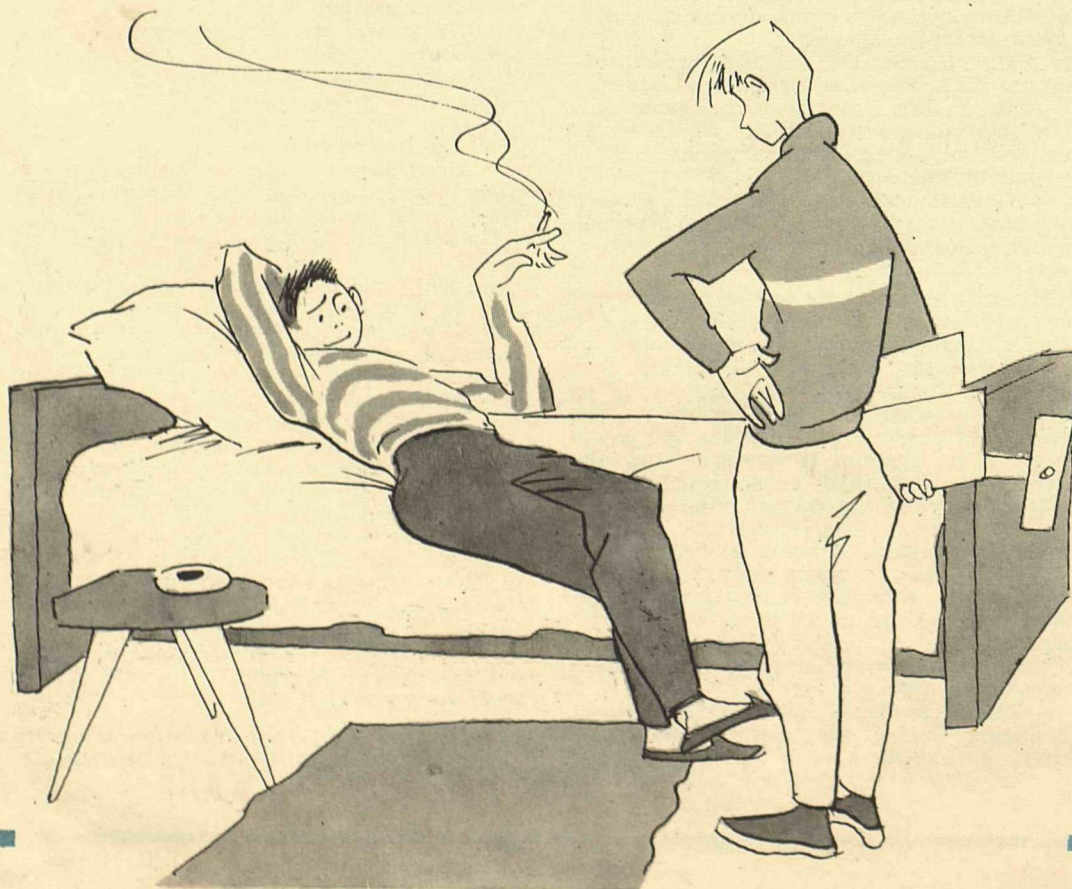
На лице Гарри Зацепкина появилось выражение скуки и легкого отвращения, словно он только что хватил не «кальвадоса», а касторки.

— Дядя Лева, я это каждый день слышу. Сказал бы что-нибудь новенькое! Я не против работы. Но ведь выбирать работу нужно по душе. Чтобы она вдохновляла. А разве я виноват в том, что меня всякие там гайки и втулки не вдохновляют? Вы что хотите, чтобы я обязательно «ковал что-то железное»?

— Не обязательно на завод тебе идти!

- Ты что лежишь!
- Да вот думаю: работать или учиться!
- И давно думаешь!
- Третий год!

Рисунок А. КРЫЛОВА.

— В деревню гоните? — Гарри Зацепкин презрительно прищурился. — На простор пшеничных полей? Сенкью, дядя Лева! Но ведь меня коровки, свинки и прочие гуси-лебеди тоже... не вдохновляют!

Он приблизил свою румяную физиономию к лицу Припасова и просительно прибавил шепотом:

— Вот если бы вы меня в свой журнальчик устроили, дядя Лева! По-родственному. Неважно, кем я там буду у вас числиться. Мне сейчас, откровенно говоря, бумажка нужна, чтобы не придирались, не торопили меня с этим... трудоустройством. А потом можно будет не торопясь, с вашей помощью выбрать что-нибудь более подходящее.

«Он меня просто не понимает! — внутренне ужаснулся друг молодежи. Ему захотелось прикрикнуть на этого изворотливого молодчика. — Но ведь молодая душа — это нежная, красивая роза, как бы она не увяла...»

Лев Матвеевич поправил очки, откашлялся и снова заговорил. Говорил долго, красиво, от души, цитируя и перевирая поэтов.

Опомнился он лишь тогда, когда официант принял со стола пустой графинчик из-под «кальвадоса» и поставил вместо него бутылку дорогого крымского портвейна. Припасов удивленно посмотрел на официанта, но Гарри Зацепкин заявил:

— Это я заказал, дядя Лева. Сейчас самое время перейти на «старое оппорто».

«Он еще и бесцеремонен порядком!» — подумал Припасов. Но нельзя было нарушать принципы деликатно-воспитательного подхода к молодой заблудшей душе, и он с прежней мягкостью сказал:

— Хорошо, дружок, давай выпьем по рюмочке портвейна... поскольку мы с тобой давно не виделись и давно не говорили по душам.

Выпили «старого оппорто».

Припасов поставил пустую рюмку на стол и сказал:

— На чем я остановился? Ага! Вспомнил! Так вот, дружок, ты должен понять, что если уж труд сделал человеком даже какую-то паршивую обезьяну, то...

После «старого оппорто» слова сами так и вылетали изо рта Припасова.

На этот раз он спохватился лишь тогда, когда к их столику подошла молодая девица с распущенными патлами, лежащими у нее на плечах. На девице было надето узкое, плотно облегающее, очень короткое платье, подчеркивающее те детали ее фигуры, которые их обладательница считала у себя самыми выдающимися. Гарри Зацепкин представил Припасова девице с патлами. Выяснилось, что ее зовут Мадлен, но можно называть и Матрешей, кому как нравится. Она очень рада, что встретила здесь Гарри да еще с таким симпатичным дядюшкой.

Лев Матвеевич галантно пригласил девицу посидеть с ними. Она охотно согласилась.

Говорить о значении труда для человека в присутствии Мадлен-Матрешки было как-то неудобно и неуместно. Быстро прикончили бутылку «оппорто», и Припасов сказал, что он отнюдь не против разумных развлечений. Мадлен-Матреша с ним согласилась: «Не все же работать, надо и отдохнуть в ресторанчике». Тут заиграл оркестр, и девица с патлами сама пригласила Льва Матвеевича потанцевать.

Танцуя, она так прижималась к своему не очень подвижному партнеру, что у Припасова сразу вспотели стекла очков. Он строго спросил Мадлен-Матрешу, какие у нее идеалы. Остроумная Мадлен сказала: «Одеяло какое у меня?» — захихикала и назвала Припасова «проказником». Припасов сконфузился, но зашаркал ногами по паркету бодрее. Когда они, потанцевав, вернулись к столику, Лев Матвеевич был, что называется, готов. Бросал на Мадлен-Матрешу пламенные взгляды и очень громко, на весь ресторан, кричал, что молодая душа — это хрупкая бабочка и он, Припасов, никому не позволит хватать ее за крылья грубыми руками. Кончилось тем, что он

Магнит.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Отдохни, доченька! Ведь целый день, не разгибаясь, сидишь!..

подозвал официанта и заказал бутылку шампанского.

...В десять минут первого ночи Анна Ильинична в третий раз позвонила по телефону сестре.

— Сонечка, это опять я! Пришел твой свиненок?

— Пришел!.. Анечка, дорогая, он совершенно нетрезвый!

— А где Лева?

— Я спросила, а он сказал: «Не твоего ума это дело, мэм! Заткнись!»

— Позови его!

— Невозможно! Он лег поперек кровати и моментально уснул.

Анна Ильинична в ужасе положила трубку. И сейчас же телефон зазвонил. Анна Ильинична судорожно прижала телефонную трубку к уху — на этот раз с надеждой.

Незнакомый равнодушный бас скучно пророкотал:

— Это квартира Припасовых?

— Да! — чуть слышно прошепестела Анна Ильинична.

— Это гражданка Припасова?

— Да, да! Кто говорит?

— Это из вытрезвителя № 1 говорит дежурный. Приезжайте завтра утром за супругом. Он у нас, так что можете не беспокоиться. И деньги возьмите с собой: у него не хватает уплатить за обслуживание. Спокойной ночи!

Боже мой, какая уж тут спокойная ночь!

Предпочитаю быть президентом!

(ОТРЫВКИ ИЗ НАСТОЛЬНОГО РУКОВОДСТВА ДЛЯ СТРАЖДУЩИХ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ)

«Четкость, краткость, ум...»

Дж. Р. Уильямс, конгрессмен от штата Иллинойс.

В АШЕ похвальное стремление смело высказываться по всем острым вопросам нужно без малейших колебаний задушить еще в зародыше. Запомните простое правило: незачем без надобности тревожить осиное гнездо.

Предвыборная речь не цель, но средство. Она всего лишь подходящий повод, чтобы закатить грандиозный спектакль, чтобы ваши радио- и телепередачи транслировались по всей стране, а сами вы разъезжали из города в город, словно агент по продаже патентованных целебных средств, каковым вы, по сути дела, и являетесь. Предвыборное турне, если оно организовано со знанием дела и не без ловкости рук, открывает перед вами безграничные возможности показать себя в лучшем виде и сыграть все дежурные роли: мыслителя, радателя за судьбы нации или негнбаемого «настоящего мужчины». Обойтись без предвыборных речей нельзя, как нельзя обойтись без известкового раствора при кирпичной кладке.

Можно лишь удивляться, сколько людей верят, что вы и вправду сами пишете все ре-

Авторы памфлета — американские журналисты. Их сатирические «советы претендентам» не что иное, как злая издевка над американским предвыборным балаганом. Но когда читаешь речи Кеннеди и Никсона, так и кажется, что они действуют в строгом соответствии с рецептами Эллиса и Уэйра.

чи, и эта вера не поколеблется даже тогда, когда у всех на глазах вы станете локтями прокладывать себе дорогу к микрофону среди целого батальона составителей ваших речей, которых принято называть «призраками».

Когда-то в колледже вам, вероятно, внушали, что, прежде чем начать речь, нужно задержаться на мгновение, непринужденно созерцая аудиторию. Забудьте об этом наставлении. Вас будет восторженно приветствовать топчущая толпа, доведенная до иступления местными политическими жучками и начисто лишившаяся рассудка при ошеломляющем известии, что перед нею «будущий президент Со-

единенных Штатов Америки». Ваше сдержанное достоинство придется тут явно не к месту. Убедите аудиторию, что вы целиком разделяете ее восторги, и не заноситесь так высоко, чтобы скрывать свои чувства.

После общих замечаний перейдем к рассмотрению отдельных тонкостей политической риторики. Объем работы не позволяет привести на этих страницах полные тексты речей. Подставным писакам придется потрудиться, но они могут избежать роковых просчетов, если будут следовать нескольким элементарным правилам.

Правило первое. Осторожность и еще раз осторожность в выборе тем для речей.

— Но, — возразите вы в ответ, — о чем же мне тогда говорить?

Недоумение ваше вполне понятно. В основе его лежат остатки здравого смысла, сохранившиеся с тех времен, когда вы еще не думали вступать на кандидатскую стезю. Особого повода для беспокойства все же нет. Ведь простор для самых рискованных разоблачений ограничен лишь рамками человеческого воображения. Можете смело громить коррупцию и вести огонь по группам, преследующим свои узкокорыстные интересы. Разоблачение таких групп абсолютно безопасно, так как в своей принадлежности к ним еще никто никогда не признавался по доброй воле.

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Чистое искусство.

Когда вы будете уничтожать коррупцию, самые отъявленные мошенники и казнокрады решат, что речь вовсе не о них, а о ком-то другом. Бичуйте расточительство, излишества, крохоборство и мелкотравчатость, недееспособность и безделье, эгоизм и жадность. Испепеляйте тех, кто пятится назад, и тех, кто занимается опасным экспериментированием. Стрельба по этим объектам не грозит вам решительно ничем, а число мишеней при этом будет возрастать.

Второе правило касается «НО» и «ОДНАКО». Если бы оно не существовало, его пришлось бы выдумать. Оно позволяет без опаски скользить по самому тонкому льду. Суть его вот в чем: вы за, НО не настолько, чтобы вызвать недовольство тех, кто против. Вы за помощь Европе, НО не за счет Азии. Мы должны блюсти свои интересы в Азии, не ослабляя, **ОДНАКО**, своих позиций в Европе.

Описанный прием действует безотказно, когда выгодно использовать в своих целях популярный лозунг, выдвинутый противником. Он столь же полезен и тогда, когда приходится обходить стороной неблагоприятные делишки собственной партии. Вы отдаете себе отчет в необходимости налогов, НО отнюдь не одобряете уровень нынешних. Данная программа несовершенна, НО она уже проводится в жизнь. Короче говоря, все, как в боксе: ударить и тотчас прикрываться.

Третье правило — пустословие. Суть его сводится к продуманному отбору звонких словечек, которые веско звучат и решительно ни к чему не обязывают. Например, вы заявляете, что «вознамерились всячески способствовать» развитию народного просвещения, «всемерно поощрять» строительство электростанций. Вы «обязуетесь бдительно стоять на страже интересов» и профсоюзов и предпринимателей. Вы «горячо поддерживаете смелые планы», идущие в одном направлении, и «полны решимости» осуществить дерзкие замыслы, идущие в противоположном.

Подобных словечек не честь, нужно лишь уметь их выбрать. Можно выдвинуть требование о насущной необходимости установить «более реалистический уровень» чаевых — и все вас будут любить. Неосмотрительно заикнувшись о «более низком уровне», вы навлечете на себя гнев официантов. А упоминание о «более высоком» вызовет возмущение клиентов.

С таким же апломбом обещайте «способствовать созданию условий для достижения более полного взаимопонимания между трудом и капиталом» — и обе стороны будут умилаться от счастья. А стоит вам выразиться более определенно, как одна из сторон отдаст голоса вашему противнику.

Правило четвертое — это Непокоримая Верность Звездному Флагу. Хотя оно общеизвестно, пренебрегать им ни в коем случае не следует. Малейшее отступление от него будет использовано противником для доказательства вашей неспособности занимать высокий пост.

Прежде всего вы выступаете за «устойчивый валютный курс», «лучшую и более сильную Америку», «неуязвимую оборону, **ОДНАКО** в соответствии с возможностями бюджета». Все эти слова и выражения следует связать воедино с рядом других подобных же речений, выдержавших проверку практикой и временем.

Кандидат в президенты не может «полагать», он должен «твердо верить, что...». Мало «быть против», надо быть «непримиримым врагом тех, кто...» или хотя бы «решительно противостоять тому, чтобы...». Вы «без остатка посвятили себя великой цели, которая...», и «твердо стоите на этой земле, где...», и «непоколебимо преданы всему, что...». Ваша предвыборная борьба — это «крестовый поход», призванный «возвратить наконец страждущему народу Америки такое правительство, которое «достойно его славной истории».

У вас неизбежно появится желание улучшить и расширить этот лексикон. Не поддавайтесь искусу! Наши формулы и лозунги выдержали испытание временем. Они ходовой товар. А всякие новшества, вроде «Два автомобиля в каждый гараж!» или «Перейдем на конную тягу», всегда бесплодны.

Перевели с английского
В. ГЛУСКИН и Ю. ПОЛЯКОВ.

ПО ДОРОГЕ В БЕЛЫЙ ДОМ

Представления американского предвыборного цирка в самом разгаре. Кандидат в президенты от республиканской партии Ричард Никсон трудится в поте лица. Чего только не приходится делать, чтобы убедить избирателей, что он, Дик, свой парень и будет президентом «что надо»!

Для того, чтобы создать о себе представление как о «бедном парне», Никсон путешествует в потертом шерстяном жакете. Говорят, что если и этот ход не поможет, ему придется разезжать полунагим, прикрываясь лишь заранее написанными речами.

Из штаб-квартиры республиканской партии поступил приказ: не ездить к избирателям в дорогих кадиллаках. Не исключена возможность, что по мере обострения избирательной кампании Никсон начнет ездить на велосипеде или даже на детском самокате.

Методы избирательной кампании Никсона характерны не только для него, но и для кандидата от демократической партии Кеннеди. Оба они тратят миллионы долларов на организацию дешевой сенсации и распространение не менее дешевой демагогии.

Ниже мы помещаем четыре эпизода американской избирательной ярмарки с комментариями наших поэтов.

Айк в игре частенько, мазал.—
Времена теперь не те:
В Белом доме быть обязан
Гольф на должной высоте!

Н. ЭНТЕЛИС

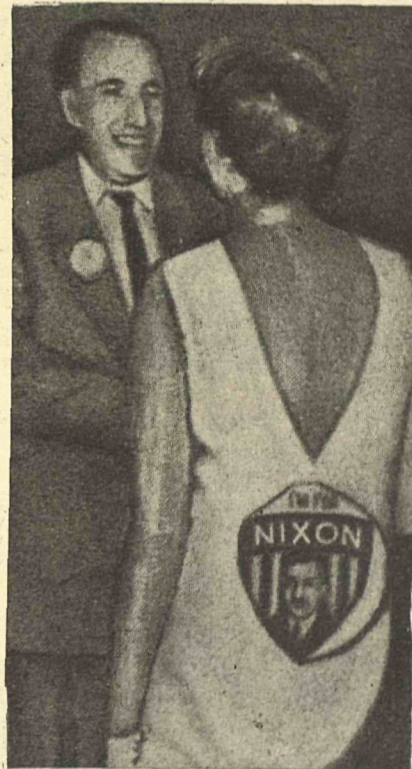

Что вы видите на фото
(Иль на кадре киноленты)!
Негра, чистящего обувь
Кандидату в президенты!
Ах, недаром, значит, пишут
На предвыборных плакатах,
Что гражданскими правами
Негры пользуются в Штатах!..

Э. КРОТКИЙ

Читатель! На картинку эту
Внимательнее погляди.
Есть деятели, чьи портреты
Любовно носят на груди.
А мистер Никсон... Много чести!
Хотя он прессою воспет,
Его портрет с рекламой вместе
Красуется на «видном месте»,
Где, как известно, сердца нет...

Я. БЫЛАНИН

В президенты метит Никсон.
В честь его, чтоб все глазели,
Делают за доллар книксен
Легковесные мамзели.

Здесь в предвыборной программе
Эти зрелища нередки:
Агитируют ногами
Разбитные шансонетки.

В. ГРАНОВ

(Снимки из американских газет и журналов.)

Д. ЗАСЛАВСКИЙ Папа проиграл

ОТКРЫТИЮ XVII Олимпийских игр в Риме предшествовал пышный церковный спектакль. Папа Иоанн XXIII проследовал в сопровождении кардиналов, прелатов, легатов и прочих отцов духовных на площадь перед собором святого Петра и там торжественно призвал благословение божье на игры и на их участников. Папа воззвал ко всевышнему, испрашивая его помощи верным сынам и дочерям церкви. Выражаясь проще, глава католической церкви просил оказать протекцию спортсменам, верующим в чудеса по божьей воле. Кардиналы, прелаты и капуцины молились о посрамлении безбожников и язычников. Служители церкви вкупе с неонацистами распространяли похабные листки с поруганием коммунистов. Они старались посеять вражду между верующими и неверующими участниками игр и подорвать успех советских спортсменов.

Благочестивое воззвание первосвященника было в тот же час передано в высший божественный совет, заседающий в высшем небе. Оно вызвало среди святителей некоторую растерянность и даже недовольство. Так, например, святой угодник Николай-чудотворец сказал ворчливо, что находит просьбу Иоанна XXIII бестактной и неуместной.

— Я не вижу необходимости, — сказал он, — впутывать господу бога в мирское соревнование всяких бегунов, прыгунов, скакунов, гребцов, пловцов. Пусть прыгают и скачут, а нам до этого никакого дела нет. Предлагаю не вмешиваться в дела международного спорта.

Ему возразил святой Петр:

— При всем своем уважении к выдающемуся мастеру чудес, нашему коллеге Николаю, я считаю, что его возращение неосновательно и даже опасно. В нем выражена идея невмешательства во внутренние дела, а именно эта идея, как вам известно, пропагандирует

ся безбожниками, коммунистами и различными азиатскими народами, исповедующими буддизм. Думаю, что принцип невмешательства несовместим с божественным откровением, согласно которому даже волос не может упасть с головы человеческой без божьей на то визы. Прибавлю к этому, что игры происходят в Риме, по соседству с Ватиканом, происходят даже на землях Ватикана, и было бы до крайности странно, если бы господь бог отказал в своей помощи верующим. По своей должности я являюсь божественным покровителем Вечного города, — продолжал Петр. — В моих руках ключи от святого града. Я настаиваю на том, чтобы мы приняли участие в этом состязании добра и зла и всеми доступными нам средствами, то есть всем набором подчиненных нам чудес, доставили победу верным сынам церкви.

Слово взял святой Павел. Он сказал:

— В общем и целом я согласен с моим другом Петром и если все же возражаю ему, то исключительно из соображений тактических. Дело все-таки рискованное. Вспомним успехи красных в Мельбурне. Если в Риме случится нечто подобное, то это может отразиться на нашем божественном авторитете. Надо ли подвергать верующих таким испытаниям?

Среди святителей поднялся шум. Одни стояли за вмешательство неба. Другие призывали к осторожности. Все замолчали, когда поднялся со своего места святой Иоанн.

— Никакого риска нет, — сказал он. — Я внимательно слежу за верной нам и осведомленной печатью. Она единогласно утверждает, что решительная победа и первое место обеспечены американской команде. Об этом же сообщает нам в своих молитвах наш усердный слуга и раб американский кардинал Спеллман. Не может быть и речи о том, чтобы победили безбожники коммунисты. Все американские спортсмены — добрые христиане, даже те из них, которых господь бог наказал, даровав им

черный цвет кожи. Ставлю сто долларов против одного, что выиграют американцы!

Всевышний, терпеливо слушавший спорщиков, решил заключить прения. Он промолвил:

— Так как я всемогущ и всеведущ, то для меня вопрос ясен и не труден, но, вообще говоря, он чертовски неясен и очень труден. Папа Иоанн XXIII поступил бы несравненно умнее, если бы воздержался от обращения к нам. Но поскольку он это сделал, мы не можем отказать ему в просьбе и умыть руки. Наше невмешательство было бы потрясением веры. Вмешательство тоже может потрясти веру. Но у нас нет никакого выбора. Мы должны помочь верующим.

В божественном совете не принято голосовать. Решено было вмешаться. Святому Георгию Победоносцу предложили взять на себя наблюдение за играми. В сонме святителей он является самым воинственным. Победы — это его специальность. Кроме того, он лихой скакун и превосходный метатель копья. Нельзя было избрать лучшего покровителя игр. Архангел Гавриил получил предложение проследить за прыжками в высоту, как знаменитейший чемпион по взятию небесных высот. Что касается спортсменов, то к ним была приставлена святая Варвара, которая получила основательную закалку по тяжелым физическим испытаниям.

Настроение было деловое.

Совсем иным было настроение на божественном совете при закрытии Олимпийских игр. Царили уныние и разочарование. Святой Николай злорадствовал.

— Я предупредил, говорил, что не надо вмешиваться! Папа Иоанн XXIII сел в лужу, победили советские безбожники. Зачем нам надо было лезть за папой! Ведь хуже всего не то, что он проиграл, а то, что подорвана вера! Найдутся люди, которые скажут, что это мы помогли советским спортсменам.

— Никто этому не поверит, — возразил Петр, — всем хорошо известно, что коммунисты обходятся без нас. Сами мы виноваты. Надо было сотворить чудо, а наш Коля оплошал.

Николай-чудотворец сказал запальчиво:

— Попробовали бы вы сами! Все равно ничего не вышло бы. Всякое чудо сошло бы за подлог. Условия игр строго соблюдались. Нам не удалось поспорить между собой судей, возбудить вражду к спортсменам Советского Союза и других безбожных стран. Послушали бы, как наши верные сыны приветствовали своих товарищей, советских победителей!

Спор разгорался. Всевышний положил ему конец.

— Успокойтесь, благочестивые отцы. Не принимайте слишком близко к сердцу поражение папы и всех его единомышленников. Пусть глава духовной реакции папа римский сам расплачивается, вольно же было ему так уверовать в непобедимость США! Это не христианская, а языческая вера. США служат как бы фетишем для многих недалеких людей. К счастью, этот фетишизм проходит. Президент США Эйзенхауэр, верный сын христианской церкви, назойливо осаждает меня просьбами о ниспослании экономического расцвета его государству. Но я соблюдаю осторожность и не играю на бирже. Пусть президент сам выпутывается как может.

— Господи боже мой, — воззвал один скромный святой, — разреши задать тебе вопрос.

И, получив разрешение, спросил:

— Нет ли опасности, господи, что наши верные сыны подвергнутся преследованию за антиамериканскую деятельность? Не постигнет ли возлюбленного нашего кардинала Спеллмана та же участь, что и благоверного Аллена Даллеса, которому предстоит явка ко святой инквизиции американского конгресса? Ведь его могут обвинить в том, что он плохо молился за победу американской команды.

Всевышний ответил:

— Такими испытаниями лишь усугубляется вера в меня. Пусть претерпит американский кардинал, да и римский папа. Впредь будут умнее.

Рисунок Р. ШУТЕНКО (г. Ростов-на-Дону).

— Простите, но я не вижу в нашем свободном мире нищеты.

— Что вы думаете о проблемах разоружения и ликвидации колониализма?— с таким вопросом Крокодил недавно обратился к ряду зарубежных карикатуристов. Сегодня мы публикуем часть полученных нами ответов.

Рисунок Гаральда КРЕЧМАРА (ГДР).

Рисунок Е. ТАРУ (Румыния).

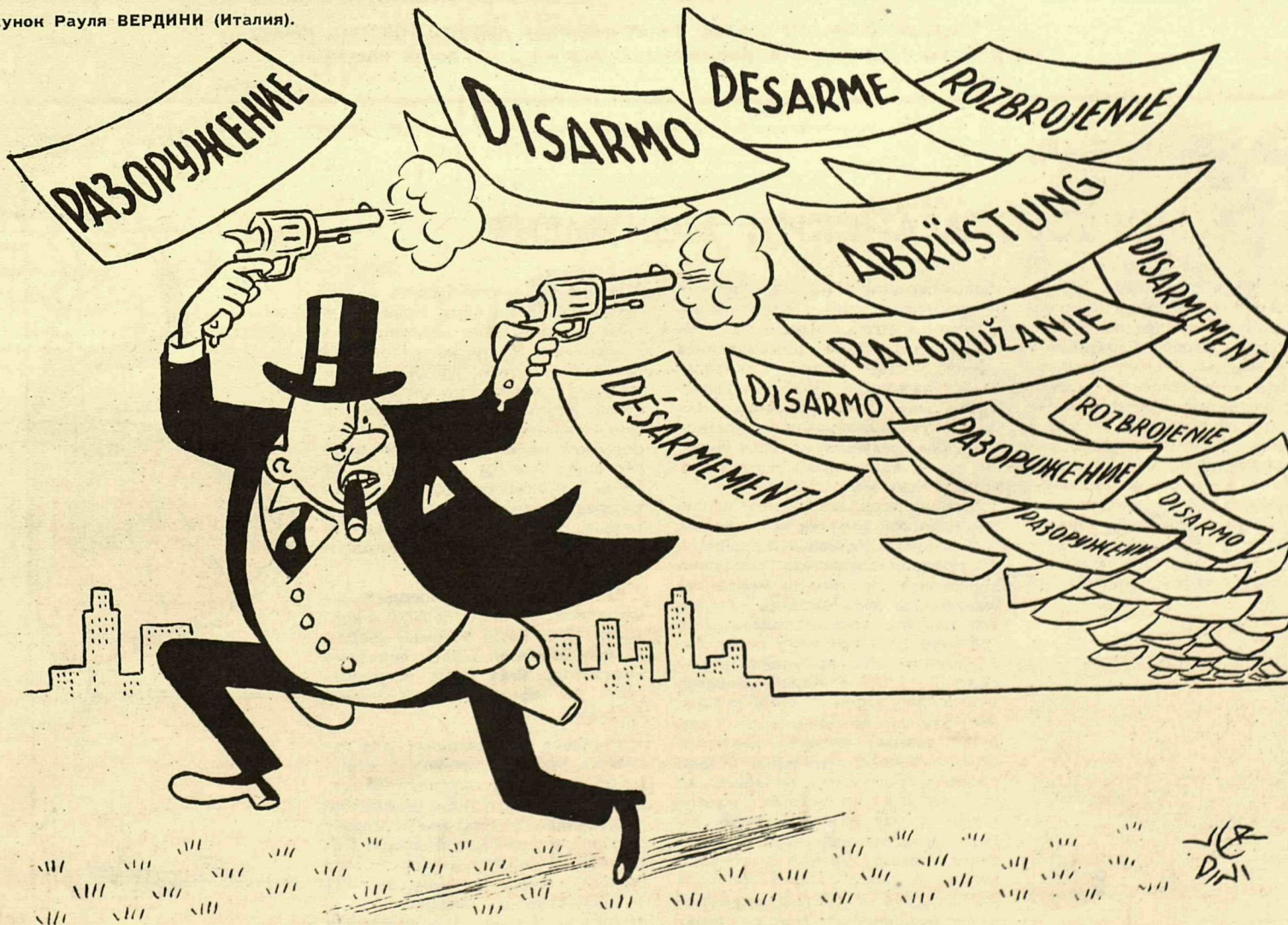

ИМПЕРИАЛИСТ: — Разоружение!! Потерять опору моей старости!!

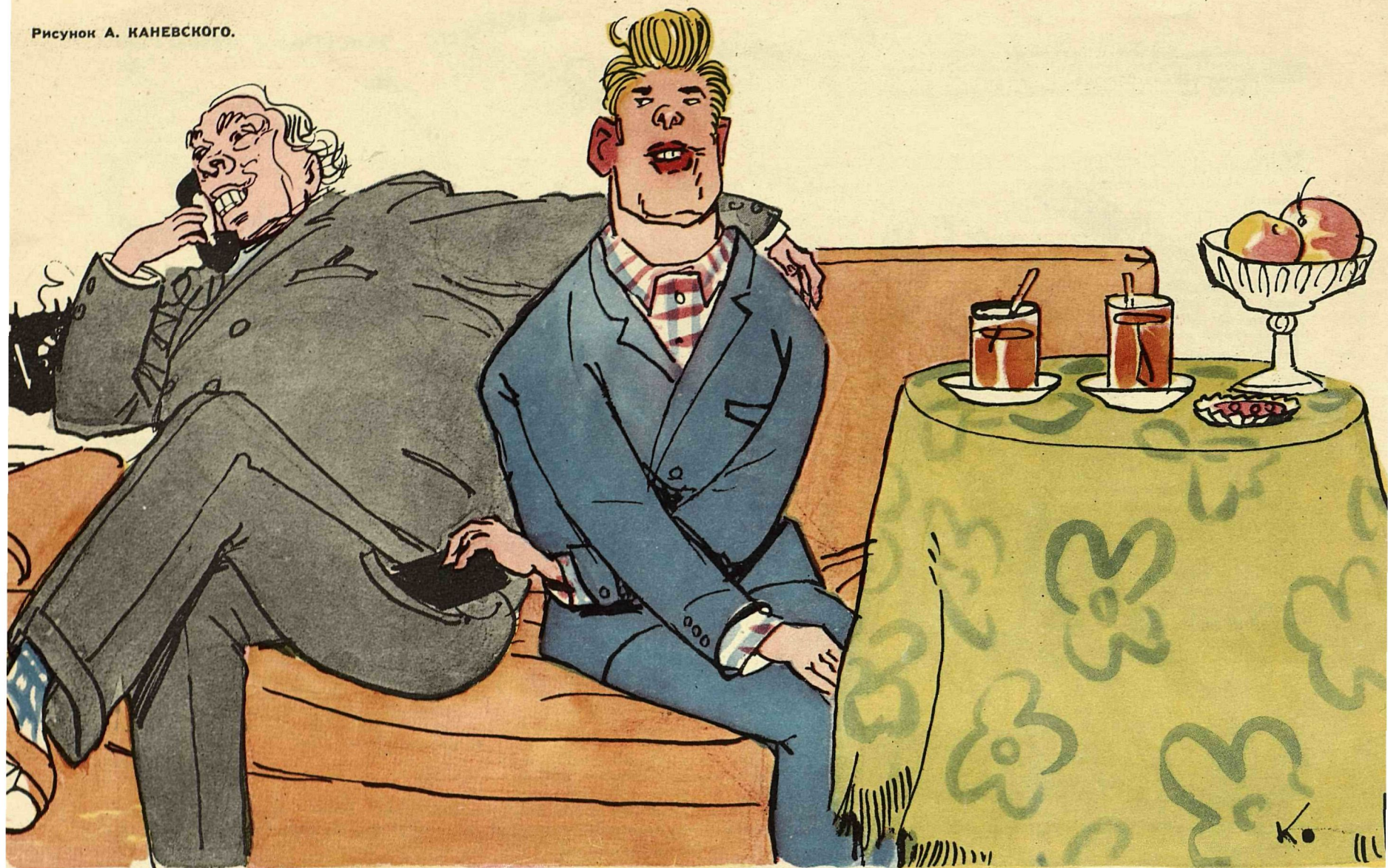
КОЛОНИАЛИСТ: — Камерун, Того, Мали, Нигерия — мои птички вырвались на свободу. Попробуй, Аик, хоть ты приманить их...

Рисунок Рауля ВЕРДИНИ (Италия).

ФАБРИКАНТ ОРУЖИЯ: — Помогите!

— Слушай, Коля, тут у меня сидит мировой парень. Говорит, имеет опыт работы с финансами. Рекомендую его на должность кассира!

ПРОИСШЕСТВИЯ

МОРДОВОКАРАЙСКИЙ МОНУМЕНТ

В ПОСЛЕДНЕЕ время взоры многих скульпторов и искусствоведов прикованы к селу Мордовский Карай, Саратовской области. Именно в этом селе создан один из величайших скульптурных шедевров нашего времени. Можно не сомневаться, что в недалеком будущем в село ринутся тысячи любителей прекрасного, чтобы на месте полюбоваться монументальным памятником, воздвигнутым местными фидиями.

Все благоприятствовало рождению шедевра. Был под рукой и прекрасный материал, причем не

белый мрамор и не серый гранит. Мордовокарайские страсти не воплотить в столь обыденном материале. Это были обыкновенная крыша и еще более обыкновенный телефонный столб. Скульпторов было двое. Творческий порыв обуял одновременно местное сельпо и правление колхоза. Именно их объединенными усилиями и был создан этот шедевр.

Трудно передать сухими словами короткой заметки всю глубину и драматизм жизненного конфликта, предшествовавшего созданию монумента. Но тем не менее мы вынуждены хоть вкратце описать его для будущих исследователей.

Около трех лет тому назад Романовская РТС проводила через село Мордовский Карай телефонную линию. Один из столбов врыли чуть ли не вплотную к старому зданию пекарни местного сельпо. Вскоре правление сельпо решило расширить пекарню, но по проекту на участке нового строительства оказался столб, теперь уже принадлежащий местному колхозу. Сельпо требовало перенести столб в сторону. Колхоз выдвинул контрпредложение — о переносе места строительства.

И как это часто бывает, искусство примирило всех. Новое здание пекарни было воздвигнуто в намеченном месте, но и столб остался стоять там, где он возвышался. Взгляните на фото. Разве столб, пронизывающий крышу, не свидетельствует о блестящих дарованиях местных руководителей? Кто еще мог бы додуматься до столь оригинального решения межведомственного конфликта и создать при этом бессмертный памятник собственному самодурству и упрямству?

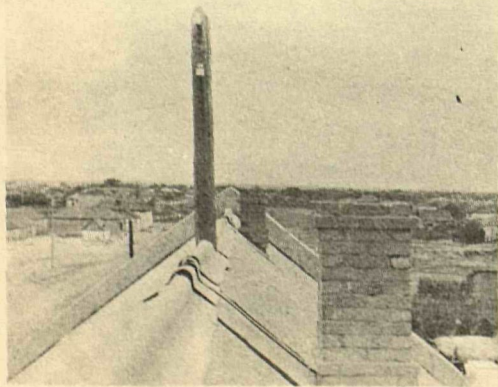
Честь и слава руководителям мордовокарайского сельпо и колхоза! Пусть наши потомки увидят, на что способен был в середине двадцатого века иной человеческий ум, вдохновленный идеей бюрократизма!

Учитывая всю важность для искусства мордовокарайского монумента, редакция журнала Крокодил, Союз советских художников, Академия архитектуры и строительства и редакция Большой Советской Энциклопедии просят всех граждан, лично знающих авторов вышеописанного монумента, сообщить в Крокодил подробности об их жизни и творчестве.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Ее рост.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Перебил всю посуду во главе с кастрюлей».

(Заявление в товарищеский суд.)

«Наводил колкие комплименты в адрес руководства колхоза и сельсовета».

(Показания свидетеля.)

«Она без всякого основания начала оскорблять гр-ку Петрову неопозволительными приемами рук и языка, сопровождая это оскорбительной мимикой лица».

(Протокол о мелком хулиганстве.)

Собрала Н. ВИНОГРАДОВА.

г. Владивосток.

«Гражданка Терешина обзывает соседей целыми нецензурными словосочетаниями. По отношению ко мне с ее стороны говорились разные непристойные сравнения. На мои замечания она реагировала в обратном направлении».

(Из протокола.)

Записал Л. ИВАНОВ.

г. Петропавловск.

«В это время из соседней комнаты появился гр-н Филиппов в разобранном виде».

(Из показаний свидетеля.)

Прислал Л. ЮРОВСКИЙ.

ОШИБКА

Вот надпись: «Коллективный огород». Кругом — в заборах дачные строения. Какая-то ошибка, без сомнения: Иль вывеска не та, иль огород не тот!

И. СВЕТЛОВ

Тульская область.

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

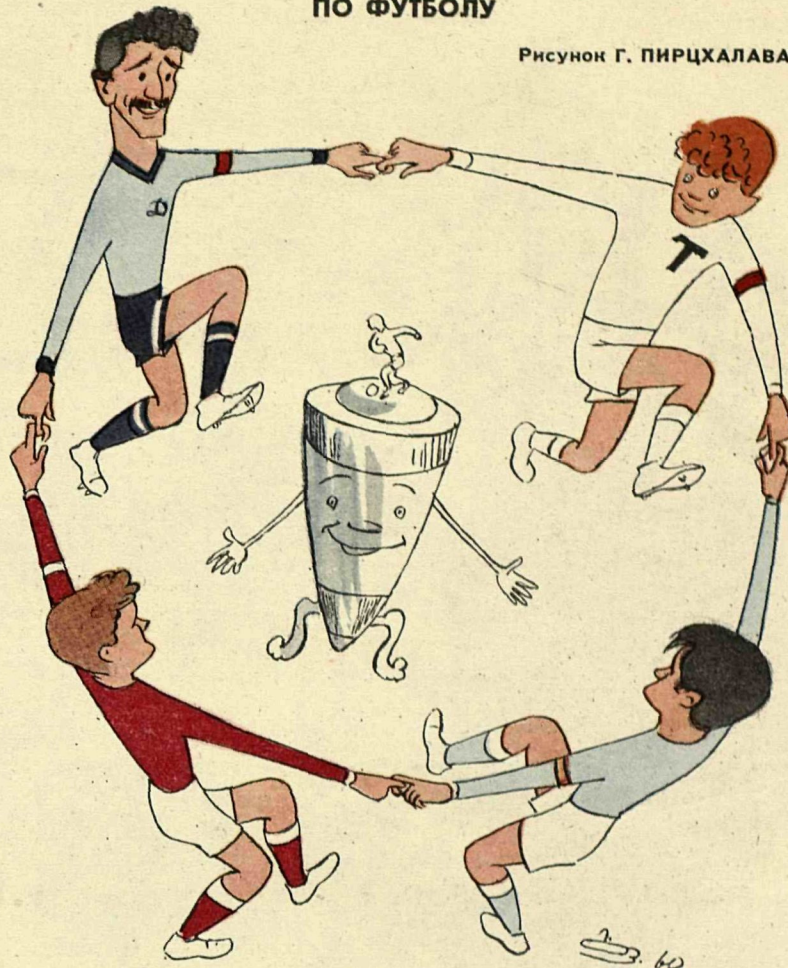
Сказал один приятель: — Бога нет!
А божий суд — поповские уловки!
— А что ж ты крестишься! Скажи, коль не секрет!
— Да это так я... Для перестраховки!

И. ТАРАБУКИН

г. Свердловск.

ПЕРЕД ФИНАЛЬНЫМИ ИГРАМИ НА КУБОК СССР ПО ФУТБОЛУ

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА.

— Каравай, каравай, кого хочешь выбирай!..

ДРУГ ДЕТЕЙ

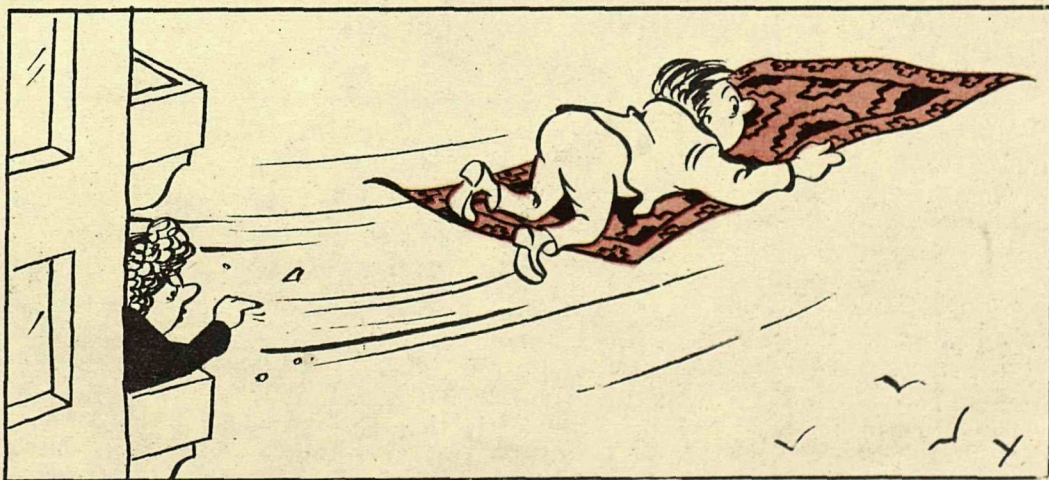
Рисунок В. ЧЕРНИКОВА.

— Зачем вы продаете папиросы детям!

— А я не продаю. Я угощаю.

Рисунок М. УШАЦА.

— Я предупреждала: притащишь такой ковер, мигом вылетишь из дома!

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й.

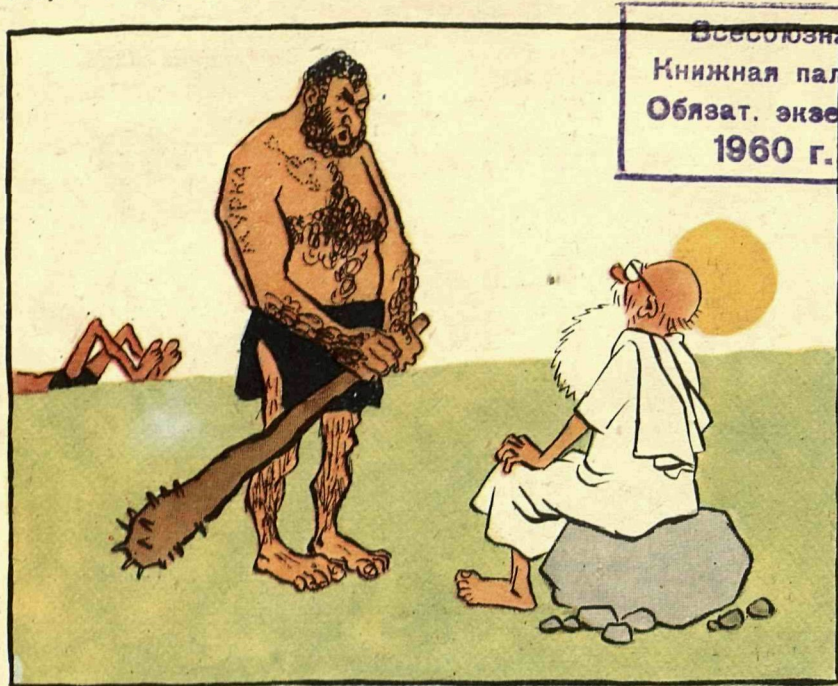
Издательство «Правда».

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 06448. Изд. № 1790. Подписано к печати 8/Х 1960 г. Формат бум. 70×108%. Тираж 1 400 000 экз. Заказ № 2797. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

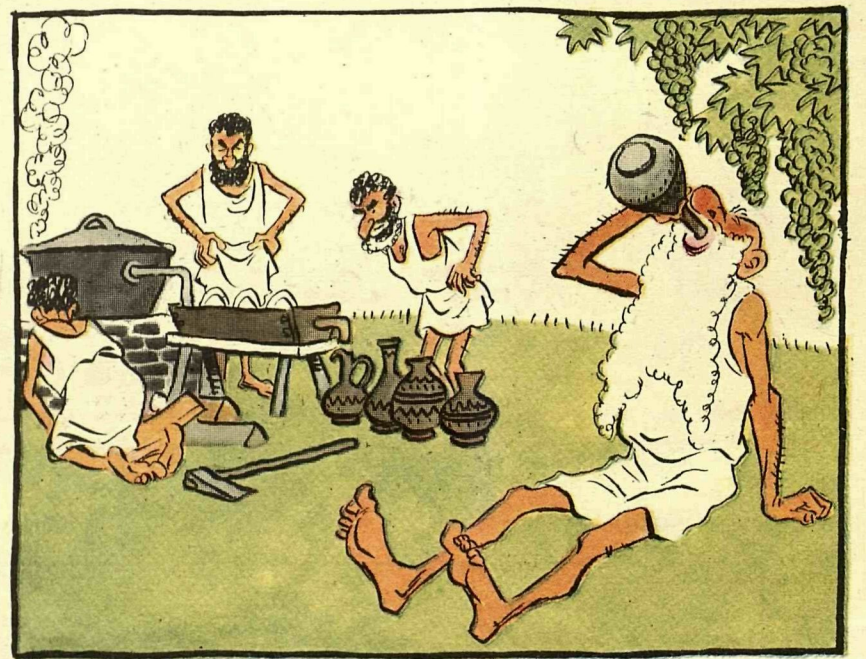
КАИН: — Прошу взять меня на поруки!

Допотопный «левак».

Изгнание из РАЙмага за спекуляцию.

Первое самогонное предприятие «Ной и сыновья».

ИУДА: — Продаю Христа... за доллары!..

Превращение воды в вино.